

Возвращение. Ги де Мопассан

Низкая волна монотонно стучит о берег. В бескрайнем голубом небе быстро, как птицы, мчатся белые облачка, уносимые свежим ветром, а в затишье сбегающей к океану долины греется на солнце небольшая деревня.

У самой околицы, на отшибе, рядом с дорогой, — жилье Мартен-Левеков. Это глинобитная рыбацкая лачуга под соломенной крышей с пучком синих ирисов на коньке. У дверей — квадратный огородик размером в ладонь: лук, несколько кочнов капусты, петрушка, кервель. Огород отделен от дороги плетнем.

Хозяин — в море, на промысле; жена перед домом чинит большую бурую сеть, растянутую по стене, как огромная паутина. У калитки на хромом соломенном стуле, припертом спинкой к плетню, девчонка лет четырнадцати латает белье, штопанное-перештопанное белье бедняков. Другая, годом моложе, баюкает грудного младенца, бессловесного еще несмышлениша; двое малышей — старшему три, младшему на год меньше, — усевшись нос к носу прямо на землю, неловкими ручонками роются в песке и пригоршнями швыряют его в лицо друг Другу.

Все молчат. Только последыш, которого укачивают, без умолку хнычет пискливым слабеньким голоском. На окошке дремлет кот; вдоль фасада нарядным бордюром белеют распустившиеся левкои, а над ними гудит туча мошкары.

Неожиданно та из девочек, что шьет у калитки, подает голос:

— Ма-ам!

Мать откликается:

— Чего тебе?

— Опять он здесь.

С самого утра на душе у них беспокойно: вокруг дома бродит какой-то старик, похоже, нищий. Они приметили его, еще когда провожали отца на баркас и помогали ему грузиться. Незнакомец сидел на краю придорожной канавы, против их двери. Возвращаясь с берега, они застали его на том же месте: он по-прежнему глазел на дом.

Вид у него был жалкий, больной. Он просидел, не шелохнувшись, больше часу; потом сообразил, что внушает подозрения, встал и пошел прочь, припадая на одну ногу.

Вскоре, однако, семейство увидело, что он все той же медленной усталой походкой направляется обратно; он опять сел — правда, немного дальше, — словно для того, чтобы наблюдать за ними.

Мать и дочери струхнули. Особенно заволновалась мать: женщина она была робкая, а хозяйина, Левека, ждали домой не раньше, чем к вечеру.

Муж ее носил фамилию Левек, сама она — Мартен, вот их и окрестили Мартен-Левеками. А случилось это потому, что первым браком она была за матросом Мартеном, каждую весну уходившим к Ньюфаундленду промышлять треску.

За два года замужества она родила ему дочку и снова оказалась на седьмом месяце, когда исчезло судно, на котором плавал ее Мартен, — трехмачтовый барк «Две сестры» из Дьеппа.

Известий о барке не поступало, никто из команды не вернулся, и все сочли, что корабль погиб вместе с людьми и грузом.

Тетка Мартен, с превеликим трудом поднимая двух дочек, прождала мужа десять лет; женщиной она слыла доброй, работящей, и, в конце концов, к ней посватался местный рыбак Левек, вдовец с маленьким сыном. Они поженились, и за три года она родила ему еще двоих.

Жили они трудно, работали много. В доме дорожили каждым куском хлеба, мясо было редкостью. Зимой, в непогожие месяцы, им даже случалось должать булочнику. Тем не менее дети росли здоровыми. В деревне говорили:

— Хорошие люди эти Мартен-Левеки. Тетку Мартен работой не испугаешь, да и Левек на промысле всегда первый.

Девочка, сидевшая у плетня, опять подала голос:

— Он вроде как нас знает. Это, наверно, нищий из Эпревиля или Озбоска.

Но тут мать не могла ошибиться. Нет, нет, он нездешний, это уж точно.

Незнакомец словно прирос к месту, не спуская глаз с дома Мартен-Левеков, и это наконец взбесило хозяйку. Страх придал ей храбрости, она схватила лопату и вышла за калитку.

— Вы чего тут делаете? — окликнула она бродягу. Тот хрипло ответил:

— Сижу в холодке, и только. Чем я вам помешал? Она не отставала:

— Вы, вроде, шпионить сюда пришли? Он возразил:

— А кому какой от меня вред? У дороги нельзя сидеть, что ли?

Она не нашлась, что сказать, и вернулась к себе.

День тянулся нескончаемо. К полудню незнакомец исчез. Около пяти он опять прошел мимо. Вечером его не видели.

Левек вернулся уже затемно. Ему все рассказали. Он махнул рукой.

— Или вынюхивать чего-нибудь приходил, или просто дурной человек.

И беззаботно лег спать, а хозяйка еще долго думала о бродяге: он так странно смотрел на нее.

На рассвете заштормило, и рыбак, убедившись, что в море не выйдешь, взялся помогать жене чинить сети.

Часов в девять старшая из девочек, дочь Мартена, ходившая за хлебом, в испуге влетела домой и закричала:

— Ма-ам, он опять здесь!

Мать, побледнев от волнения, сказала мужу:

— Поди потолкуй с ним, Левек. Пусть кончит подглядывать — у меня от этого все внутри переворачивается.

Левек, рослый малый с лицом кирпичного цвета, густой рыжей бородой, голубыми глазами, словно проколотыми черной точкой зрачка, и мощной шеей, вечно обмотанной шарфом — в море ветер и дождь не редкость, — невозмутимо распахнул калитку и направился к незнакомцу.

Они заговорили.

Мать и дети, тревожно вздрагивая, издали следили за ними.

Неожиданно незнакомец встал и вместе с Левеком двинулся к дому.

Тетка Мартен с перепугу попятилась. Левек распорядился:

— Принеси-ка ему кусок хлеба да кружку сидра. Он третий день не евши.

Мужчины вошли в дом, жена и дети — за ними. Бродяга сел и принялся за еду, потупившись под устремленными на него взглядами.

Мать, стоя посреди лачуги, не отрывала от него глаз; обе старшие девочки, дочери Мартена, одна с последышем на руках, прислонились к притолокам и с жадным любопытством всматривались в чужака; два малыша, которые устроились на остывшей золе очага, — и те бросили играть с закопченным котелком, словно их тоже заинтересовал новый человек.

Левек, пододвинув себе стул, спросил:

— Значит, вы издалека?

— Из Сета.

— Неужто все пешком?

— Да. Пойдешь и пешком, коли денег нет.

— И куда ж вы идете?

— Шел сюда.

— У вас тут есть кто?

— Может, и есть.

Они замолчали. Как ни голоден был пришелец, ел он не спеша: откусит хлеба, запьет сидром. Лицо у него было увядшее, худое, все в морщинах — натерпелся он, должно быть, немало.

Вдруг Левек спросил:

— Зовут-то вас как?

Незнакомец, не поднимая головы, буркнул:

— Мартеном.

Мать почувствовала какую-то странную дрожь. Она шагнула вперед, словно пытаясь получше рассмотреть бродягу, и, опустив руки, замерла с раскрытым ртом. Все молчали. Наконец Левек спросил:

— Вы здешний?

— Здешний, — подтвердил тот.

Теперь он тоже поднял голову, глаза его встретились с глазами женщины, остановились, застыли, как будто взгляды их зацепились друг за друга.

Внезапно она проговорила низким, дрогнувшим, изменившимся голосом:

— Это ты, муженек?

Он медленно вымолвил:

— Да, я.

И все так же не двигаясь с места, вновь принялся жевать.

Левек, скорее удивленный, чем взволнованный, переспросил:

— Это ты. Мартен?

Тот просто повторил:

— Да, я.

Второй муж полюбопытствовал:

— Откуда ж тебя принесло? Первый рассказал:

— С берегов Африки. Мы сели на мель и затонули. Спаслись всего трое — Пикар, Ватинель и я. Потом нас поймали дикари, продержали у себя двенадцать лет. Пикар с Ватинелем померли. Меня подобрал один путешественник, англичанин, довез до Сета. Вот я и пришел.

Тетка Мартен заплакала и уткнулась носом в передник.

Левек пробормотал:

— Как же теперь быть?

Мартен спросил:

— Ты ее муж?

Левек подтвердил:

— Да, муж.

Они посмотрели друг на друга и замолчали. Потом Мартен обвел глазами окруживших его детей и указал головой на девочек:

— Мои?

— Твои, — отозвался Левек.

Мартен не встал, не обнял их, только изумился:

— Господи, до чего ж большие! Левек повторил:

— Как нам теперь быть?

Мартен задумался: он тоже стал в тупик. Наконец решил:

— Как скажешь, так и будет. Я на тебя зла не держу. Только вот с домом загвоздка. Ребят у меня двое, а у тебя трое — каждому свои. Мать — то ли тебе, то ли мне, твое дело. Тут я не перечу. А уж дом — мой: мне его отец оставил, я в нем родился, и бумаги у нотариуса есть.

Тетка Мартен, негромко всхлипывая, прятала лицо в синий холщовый передник. Старшие девочки прижались друг к дружке, беспокойно поглядывая на отца.

Мартен доел хлеб. Теперь и он спросил:

— Так как же будем? Левека осенило:

— Пошли к кюре — пусть рассудит. Мартен встал, шагнул в сторону жены, и вдруг она, рыдая, бросилась ему на грудь.

— Ты вернулся, муженек! Бедный мой Мартен, ты вернулся!

Она обхватила его руками, словно ее нежданно овеяло дыханием прошлого, и воспоминание, всколыхнув ей душу, воскресило их молодость и первые объятия.

Мартен, тоже растроганный, стал целовать ее в щеку. Услышав плач матери, оба малыша, сидевшие на очаге, дружно ударились в рев, а последыш пронзительно, как испорченная дудка, запищал на руках у младшей дочки Мартена.

Левек ждал у двери.

— Пошли, — позвал он. — Надо разобраться. Мартен отпустил жену, и та, заметив, что он глядит на дочерей, прикрикнула:

— Поцелуйте отца-то!

Девочки подошли одновременно, не проронив ни слезинки, недоумевая и малость побаиваясь. Он звонко, по-крестьянски чмокнул одну за другой в обе щеки. Последыш, видя, что к нему приближается чужой, зашелся в таком истошном плаче, что у него едва не сделались судороги.

Мужчины вышли.

Проходя мимо кабачка «Для торговцев», Левек предложил:

— Пропустим по стопочке?

— Я не против, — согласился Мартен.

Они вошли в пустое еще помещение и уселись.

Левек крикнул:

— Эй, Шико, две стопки водки да покрепче! Мартен вернулся Понимаешь, Мартен, первый муж моей жены. Тот самый, с «Двух сестер», что пропал без вести. Пузатый, краснорожий, заплывший жиром кабатчик принес в одной руке три стопки, в другой бутылку и, как ни в чем не бывало, спросил:

— Ишь ты! Значит, вернулся, Мартен? Мартен ответил:

— Значит, вернулся.